

Ожешко Элиза

Торгаш Гедали

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Э46

Э46 **Элиза О.**
Торгаш Гедали / Ожешко Элиза – М.: Книга по Требованию, 2024. – 66 с.

ISBN 978-5-521-26158-1

ISBN 978-5-521-26158-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ТОРГАШЪ ГЕДАЛИ.

ТОРГАШЪ ГЕДАЛИ.

Лѣтній вечеръ опускался на широкую равнину тѣмъ прозрачнымъ сумракомъ, въ которомъ все не ясно, но еще все видно. Въ этомъ спускающемся сумракѣ все еще желтѣла неровная поверхность сжатой нивы, дорога выдѣлялась среди полей песчаной линіей, цвѣтущая греча едва бѣлѣла, а тополи, словно остроконечныя колонны, поднимались надъ неясно виднѣвшимися постройками небольшой усадьбы. На одномъ краю неба еще блуждалъ огненный пурпуръ заходящаго солнца, а на другомъ темной стѣной стояли сгустившіяся тучи.

Воздухъ былъ теплый и тихій. На сжатыхъ нивахъ раздавались крики перепелокъ, надъ гречей, прельщенная ея бѣлизной, иногда чернѣла летучая мышь и, очертивъ на лету отрывистый полукругъ, исчезала куда-то; съ недалекаго пастбища доносилось ржаніе лошадей и отрывистые звуки пастушескаго рожка. Только эти звуки рожка да нѣсколько золотыхъ огоньковъ, свѣтящихся среди построекъ усадьбы, говорили, что поблизости есть люди.

Въ темнотѣ и молчаніи обширныхъ сонныхъ полей только одинъ человѣкъ шелъ по дорогѣ, надъ которой съ обѣихъ сторонъ старыя ивы склоняли свои узловатыя и изогнутыя вѣтви. Путникъ направлялся не къ усадьбѣ; онъ прошелъ мимо нея и вмѣстѣ съ тѣмъ вышелъ изъ-подъ густыхъ вѣтвей ивъ въ открытое поле. Здѣсь послѣдніе лучи солнца охватили его высокую, тонкую, сгорбившуюся подъ тяжестью мѣшка на спинѣ, фигуру. На немъ была длинная, доходившая до земли, одежда, смятая фуражка съ рванымъ козырькомъ, а на ногахъ тяжелые стоптан-

ные, бѣлые отъ пыли, сапоги. Въ рукѣ у него была палка, на которую онъ тяжело опирался. Шелъ онъ очень медленно.

Нѣсколько недѣль уже въ этихъ мѣстахъ царилъ засуха, дорога сдѣлалась пыльной, притомъ на ней было множество камней. Ноги путника ударялись о камни или увязали въ песокъ, поднимая тучи ѣдкой пыли; а такъ какъ, неся мѣшокъ, путникъ долженъ былъ наклонять лицо къ землѣ, то пыль ему попадала въ ротъ и горло, и его тяжелое и торопливое дыханіе раздавалось въ тишинѣ, заглушаемое иногда звучнымъ веселымъ крикомъ перепелки.

Разъ свѣтъ заходящаго солнца промелькнулъ по лицу человѣка, освѣтивъ продолговатое, окруженное черными волосами, лицо съ торчащими скулами, полуоткрытымъ ртомъ и устремленными внизъ глазами.

Онъ остановился, чтобъ отдохнуть, но не могъ выпрямиться, потому что не сбросилъ со спины мѣшка. Онъ стоялъ сгорбившись, опершись на палку и только, поднявъ глаза,

смотрѣлъ то на сгущающійся мракъ, то на перерѣзывавшую его вверху полосу бѣлаго тумана. Въ это время на него повѣяло свѣжестю обильно выпавшей росы, смѣшанной со свѣжимъ запахомъ роскошной растительности. Въ зелени раздался какой-то шорохъ; какъ будто проскользнулъ заяцъ или кошка, или хлопнула крыльями проснувшаяся въ гнѣздѣ птица. Онъ взглянулъ впередъ: росистая свѣжесть и запахи неслись съ поля, покрытаго густой зеленью гороха, въ которой шумѣло множество живыхъ существъ. Тамъ и сямъ бѣлѣли еще запоздавшіе цвѣты, а длинные заплетавшіеся стебли, тѣсня другъ друга, ложились снопами на землю подъ тяжестью большихъ созрѣвшихъ стручковъ.

У края песчаной дороги, сгорбившійся подъ тяжестью мѣшка, человѣкъ склонился еще ниже; черезъ минуту у него выпала изъ рукъ палка, а обѣ руки невольно протянулись къ зеленому полю. Но онъ отдернулъ ихъ и, казалось, готовъ былъ итти дальше, но ноги его какъ бы приросли къ землѣ.

Человѣкъ тяжело вздохнулъ, мотнулъ головой, чмокнулъ пересохшимъ языкомъ, сбросилъ свой мѣшокъ на дорогу и, упавъ на колѣни, погрузилъ обѣ руки въ зелень гороха. Теперь только и было слышно хрустѣніе ломаемыхъ стручковъ и громкое хрупанье ихъ на жадныхъ зубахъ. Челюсти его быстро двигались и руки поднимались отъ густой зелени ко рту и отъ рта къ зелени. Стручки гороха были облиты росой, и онъ съ жадностью жевалъ ихъ, торопясь напиться этой влагой. Его лобъ былъ горячъ отъ дневного зноя, а ротъ полонъ пыли; поэтому онъ наклонился такъ низко, что все лицо погрузилось въ мокрую зелень и, переставъ, наконецъ, ѣсть, онъ, казалось, отдыхалъ въ тихомъ блаженствѣ.

Въ эту самую минуту невдалекѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, съ земли поднялся другой человѣкъ; онъ вслушивался и всматривался въ темноту и вдругъ бросился на межу съ поднятой палкой. Сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, онъ схватилъ стоявшаго на колѣняхъ человѣка за воротникъ одежды и

воскликнулъ молодымъ, звучнымъ голосомъ:

— А, что ты здѣсь дѣлаешь, воръ, разбойникъ, бродяга?!.. Нашъ горохъ топчешь и и ѣшь, и навѣрное еще карманы имъ себѣ набилъ! Поймалъ я тебя, собачья душа! Вставай же! ну! а то я такъ тресну тебя палкой, что ты у меня, какъ лошадь, носкачешь!

Могъ ли бы путникъ скакать даже подъ ударами палки? Но онъ вскочилъ съ земли очень быстро, дрожа отъ испуга. Его такъ неожиданно схватили и въ такую блаженную минуту! Онъ нѣсколько разъ согнулся въ низкихъ быстрыхъ поклонахъ, говоря безсвязно охрипшимъ голосомъ:

— Ахъ, ахъ! отпустите меня, вельможный господинъ! Я иду на ночлегъ въ шинкарню въ Шумную! Ай, ай! этотъ горохъ такъ у дороги... такой прекрасный горохъ... я только немножечко себѣ... Простите меня, вельможный господинъ, и отпустите... Развѣ это такой вредъ?

Не слушая почти его, парень кричалъ:

— А! большой ли это вредъ! А? Можетъ.

это, по-твоему, не вредъ? Быть-можетъ, намъ, прибыль оттого, что такіе, какъ ты, воры весь горохъ объѣдаютъ? Надо было еще нашего картофеля накопать: было бы тебѣ чѣмъ справить шабашъ. Изъ-за васъ я, какъ собака, долженъ ночевать въ полѣ, чтобы свою собственность караулить, а тутъ еще отецъ кричитъ, что никогда ни одного вора не поймаю. Вотъ и поймалъ! Вотъ и схватилъ! Ступай къ отцу. Въ судъ пойдемъ! Будетъ тебѣ! Попомнишь!

Онъ широко размахивалъ руками и такъ громко кричалъ, что голосъ разносился по всему полю. Охрипшій, тихій голосъ вора все время бормоталъ:

— Ой, ой, отпустите меня, вельможный господинъ... Я къ шинкарю въ Шумную на ночлегъ... Ой, зачѣмъ суды!.. Этотъ горохъ такъ себѣ у самой дороги растеть!.. Зачѣмъ же онъ у дороги растеть?.. Я знаю отца вельможнаго господина... чтобы онъ былъ такой счастливый, какъ я ему желаю... Чтобы онъ купилъ другую такую усадьбу... чтобы у него на этомъ полѣ одно золото родилось... чтобы

онъ, ну, сто такихъ прекрасныхъ сыновей, какъ вы, воспиталь!

Въ темнотѣ не видно было выраженія его лица, но черезъ каждыя нѣсколько словъ онъ сгибался въ низкомъ поклонѣ, а въ дюжмъ парнѣ, въ короткой сермягѣ, очевидно, гнѣвъ нѣсколько остылъ, или онъ вообще не былъ строгимъ отъ природы, потому что разразился хохотомъ.

— Хорошее благословеніе! — воскликнулъ онъ, — сто сыновей! Хорошъ бы я былъ, если бы у меня было девяносто девять братьевъ! Ну, душа нехристіанская, ничего не возьмешь, ничего у меня своими благословеніями не вытянешь! Маршъ впередъ, а я за тобой, какъ солдатъ за арестантомъ. Къ отцу на судъ! Разъ, два, три — маршъ!

Онъ по-солдатски взялъ палку на плечо и приблизился къ еврею, который, тяжело вздыхая, взваливалъ мѣшокъ на спину. Ободренный веселостью парня, еврей сказалъ съ тихимъ смѣхомъ:

— Ну, пойду, пойду! Почему мнѣ не итти?